Людмила Хлебникова

Черная кровь

Часть сборника

Наслаждение смертью (сборник)

Подруги

Людмила Хлебникова

Черная кровь

«Научная книга»

Хлебникова Л.

Черная кровь / Л. Хлебникова — «Научная книга», — (Подруги)

Ищите женщину – старый закон преступления. Кого считают следователи подозреваемым «номер один» в деле об убийстве преуспевающего молодого бизнесмена? Конечно, его женщину! Кто, по мнению бандитов, похитил крупную сумму денег, которую убитый им задолжал? Конечно, его женщина! И теперь она – ни в чем не повинная, случайная жертва обстоятельств – оказалась между молотом и наковальней. Спастись можно только одной ценой – найти настоящего убийцу. Однако – как найти убийцу, который исчез, не оставив следа? Какраскрыть преступление, в котором нет ни малейшей зацепки, ни единой улики… кроме тех, что указывают на нее саму?.. Остается только – действовать…

© Хлебникова Л.
© Научная книга

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 8
ГЛАВА 3 13
ГЛАВА 4 17
ГЛАВА 5 24
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Людмила Хлебникова
Черная кровь

ГЛАВА 1

– А кушал он хорошо? А вы ему ботинки переодеть не забыли?

– Веретенникова! Опять она на телефоне висит! Иди работай, клиент пришел!

– Иду, Эльза Федоровна!

«У, разоралась, старая ведьма», – думала Ксюха, проходя мимо климактеричной администраторши и направляясь в зал. На ходу она поправила недавно остриженные волосы, подмигнула себе в зеркало и, надев профессиональную улыбку, помчалась к дальнему столику.

Клиент действительно пришел. Он был тут уже не в первый раз, и Оксана удивлялась тому, как мог такой респектабельный на вид мужчина стать постоянным клиентом такого захудалого ресторана. Тем не менее, это было так. Он приходил сюда каждый день в семь вечера и садился за дальний столик у окна, неизменно смотря на моросящие осенние дождики, пока она не подходила к столу и не интересовалась: «Чего кушать будете?»

Вопрос был праздный, так как клиент всегда кушал одно и то же, и Оксана вполне могла бы нести ему заказ сразу же. Но ей почему-то доставляло странное удовольствие говорить с ним и смотреть в его мрачные глаза, как будто для нее там была приготовлена какая-то история.

Пока клиент меланхолично поглощал свой ужин, Ксюха смотрела на него из-за занавески, удивляясь пустоте его взгляда и двигающимся под смуглой кожей желвакам.

Мужчина был не красавец. Резкие черты лица, высокий лоб и темные волосы, которых было как-то неприлично много, никак не ставили его в один ряд со слащавыми унисексовыми кумирами, которые так полюбились современным женщинам.

Оксане этот незнакомец казался почему-то несчастным и пережившим какую-то драму. Не известно, почему она так решила. Может тому виной был его угрюмый вид взъерошенной птицы, а может некрасивый ожог на левой стороне лба.

Оксана в последние дни часто ловила себя на мысли, что она каждый день ждет именно его прихода и ей совершенно не терпится узнать его историю. «Во всем виновата женщина», – решила она, после чего поделилась своими мыслями с барменшей Юлей. Та посмотрела на посетителя и громко ругнулась:

– Экий орангутанг!

«Ну, с Юли что возьмешь. Деревня – она и есть деревня. А вот моя душа, она…» – что «она», обычно не додумывалось.

Незнакомец, закончив ужин в полном молчании, расплачивался и уходил, обычно оставляя неплохие чаевые.

В этот день все было по-другому. Подойдя за оплатой, Оксана поймала на себе задумчивый взгляд и услышала:

– Присядьте.

Оксана и так бы на ногах не удержалась от удивления. Она первый раз за столько недель услышала его голос. Голос был рокочущим, как океанский прибой, перекатывающий гортанное «эр» и шелестящий галькой шипящих. Голос был таким глубоким, таким обволакивающим, что его хотелось слушать и слушать…

Поэтический бред девушки был прерван вопросом:

– Вы, наверное, устали… – не вопросительно. Утвердительно. – Расскажите о себе.

– Ой, что вы, нам на работе с клиентами нельзя, – вскочила и засуетилась Ксюха, – я пойду, пожалуй.

– Не уходите, – остановил ее голос.

Оксану просто к стулу прилепило. А ее странный собеседник отошел к барной стойке, порокотал там с барменшей, та побледнела и куда-то ушла. Вернулась вместе с Эльзой, которая была похожа на прокисший йогурт в своей попытке заискивающе улыбаться. Они о чем-то поговорили с незнакомцем, причем бедная старушенция смешно трясла головой, так что искусственные кудри не ее шиньоне подпрыгивали как пружинки.

После этого мужчина вернулся к столу, мягко взял Оксану за локоть и повел к выходу.

– Эй, эй, куда! Отпустите!!! – распереживалась Оксанка, цепляясь свободной рукой за косяк.

– Простите, я вас испугал… Привычка к решительным действиям… ммм… Я вас отпросил, вы не составите мне компанию?

«Гулять с незнакомым мужчиной?!! А почему нет?» – подумала вдруг Оксана, млея от возможности прогулять эту рабочую ночь, не сулящую ничего хорошего, как всегда.

– Хорошо. Только мы пойдем туда, куда я хочу.

– Идет, – покровительственно улыбнулся незнакомец.

Оксана решительно кивнула и пошла переодеваться. Проходя мимо стойки бара, не преминула, подбоченясь, громогласно заявить:

– Пойду, с человеком погуляю. Только запомните его хорошенько – вдруг фоторобот составлять придется?.. – сказала и сама обалдела от своей наглости.

Выйдя из ресторана, они пошли вдоль мокнущих домов по направлению к центральному бульвару. Часть пути прошла в напряженном молчании. Оксана спрашивала себя о том, зачем она все-таки пошла, ведь ей известно, как все будет дальше. Такое было не раз, и такое будет снова. Потом незнакомец встряхнул головой и сказал:

– Никита.

– Что – Никита? – вздрогнула Оксана, уже погрузившаяся в какие-то отвлеченные мысли.

– Меня зовут Никита Каменский. А вас – Оксана, да?

– Как вы узна… А, да, – смутилась Оксана, вспоминая о дурацкой бирке, которую заставляли носить на работе.

– Скажите, Оксана, вы темноту любите?

– Че-его?

– Я почему спрашиваю. Вон там кинотеатр виднеется, может сходим? Или вы темноты боитесь?

– Давайте с вами воздухом подышим. Там скучно, в кинотеатре. И подростки попкорном хрустят. Я больше гулять люблю. Чаек на набережной кормить.

– Чаек. На Набережной. Это интересно, – сморщил губы в своей странной улыбке Никита. Он достал из кармана кулек с орешками и протянул Оксане.

– Тоже мне, Санта-Клаус, – недоверчиво сощурилась она. Но орешки взяла.

– У меня просто привычка такая. Орешки.

Его манера односложно выражаться и насмешливо косить на нее глазом сверху вниз уже порядочно раздражала начинающую замерзать Оксану. «Понес же меня черт…»

– Что вы сказали? – вдруг нахмурился Никита.

– Ничего, – еще больше удивилась Оксана.

– А хотите я вам про вас расскажу?

И, не дожидаясь ее ответа, вдруг горячо и запинаясь на каждом слове выдал ей всю ее жизнь от начала и до конца: и про несчастную ее семью, и про то, что ребенка одна воспитывает, и про любимых подружек, без которых жизни бы ей совсем не видеть.

Оксана остановилась и тупо смотрела ему в лицо.

– Вы что, шпионите за мной? – мрачнея спросила она.

– Нет, что вы! Просто ваши коллеги очень разговорчивыми становятся, когда видят иностранные денежки… А давайте на ты, – примирительно предложил Никита и, снова не дождавшись ответа, решительно взял ее за локоть и потащил по направлению к Набережной.

По дороге он пустился в пространные обоснования своего интереса к ее скромной персоне и по всему выходило так, что интерес его не праздный, а, скорее, закономерный. Один в чужом городе. Знакомых нет. Коммуникабельностью не отличается. Консервативен до мозга костей. Ходил питаться в один и тот же ресторан, приметил ее светящуюся красоту (он так прямо и сказал – «светящуюся») и подумал, что если начинать в этом городе заводить знакомства, то вот с чего-то такого же – простого и ясного, как она.

Все это было слышать лестно, но странно. Ксюша не стала в слух высказывать никаких подозрений, но про себя решила, что просто мужик решил развлечься недорого и считает ее, официантку, лучшей для этого кандидатурой. «Ну-ну, щас развлечешься!» – зло подумалось ей. Но что-то в глубине души надеялось, что это не так, что, может быть, он и впрямь ничего дурного не задумал.

А волны его речи все накатывались и накатывались, накрывая ее с головой.

Они кормили чаек, долго бродили по улицам, рассказывали друг другу истории из жизней своих и своих знакомых, бросали мелочь нищим и читали старые афиши. К концу прогулки (было что-то уже очень поздно), у нее появилось это жутковатое в своей ненормальности чувство, будто знакомы они уже тысячу лет и пережили вместе бог весть сколько приключений.

Проводить домой она себя не разрешила. Не хватало еще этого. Он поймал такси, расплатился с водителем заранее и галантно поцеловал ей руку.

Таксист подмигнул ей:

– Что, охмурила мужичка, а? – и неприятно захихикал.

– Фу, глупости какие! – пробурчала Оксана, удивленно смотря на свою руку, на которой остывал чужой поцелуй.

Домой пробралась на цыпочках, спотыкаясь о пустые бутылки и тихонько чертыхаясь. Ей очень захотелось видеть своего Андрюшку, но тот был в садике, в ночной группе. Она представила, как он смешно посапывает носом во сне, а его темные волосики слиплись на макушке… Обняв любимого плюшевого мишку своего сына, счастливая Оксана сладко уснула.

* * *

Как плохо, когда на дне не осталось ни капли. Бутылка мутно блестит и источает приторный запах, но от нее уже мало толку. Нужно идти на улицу и искать. По стеклу ползет жирная муха. Она вчера мешала мне спать. Я ее убью. Нет. Не убью. Оторву ей лапы и крылья. Пусть живет так, как мы – ползает по полу и ковыряется в грязи… Только бы попасть в дверь и не набить шишку, как в прошлый раз.

Ноги не разгибаются в коленях. Так трудно идти. Земля все время раскачивается. А вот какие-то добрые люди. Они улыбаются мне. Они кивают и разговаривают. Враги они или друзья – еще не ясно. Они зовут за собой, У них есть деньги – возможно, и мне перепадет стаканчик – другой.

Почему мы так далеко идем?

ГЛАВА 2

Спустя неделю Оксану утром разбудил мат соседки:

– Егор, твою мать!!! Где эта грязная скотина! Сколько можно уже! Второй день двор не метен, а теперь еще эта кошка дохлая… Егор! Опять напился, тунеядец, вот я в ЖЭК пожалуюсь, обормот!

«Начинается новый день…» – подумала Оксана и открыла глаза. Было уже довольно поздно и нужно было торопиться. Она поднялась с кровати и помчалась в ванную.

В это время Александра сидела в шантане и читала газету. Газета была местная, а потому немного «желтоватая». Громадные буквы на первой полосе гласили: «ТОЛЬКО У НАС – ПРАВДА О ПОХИЩЕНИИ ЛЮДЕЙ!!!»

«Вот вороны! Озолотятся, наверное на чужом горе, им бы лишь бы сенсацию…» – раздраженно думала Саша, которая после некоторых событий журналистов и прессу недолюбливала. Но деваться было некуда – информацию о происходящем в городе можно было получить только из местных газет. Пресса была очень плодовита на версии, одна смелее другой. Типа:

«…леденящие души события в городе, затерроризированном бандой работорговцев. Люди продолжают пропадать среди бела дня. Детей похищают прямо из-под носа родителей. Куда смотрит милиция? Скоро весь наш город будет гнуть спину на чеченцев!..»

Борис опаздывал, и Александра начинала нервничать. Не в ее характере было ждать – тем более ждать мужчину. Вынужденное бездействие на таком холоде выводило ее из себя еще больше. А старая бомжиха, которая стояла над душой в ожидании так долго не пустющей бутылки, укрепили Сашкину уверенность в том, что отныне придется пить пиво только из бутылок исключительно полуторалитровых и пластиковых.

В конце улицы появился Борис. Александра узнала его по характерной подпрыгивающей походке и особенному наклону головы. Борис приблизился к столику и сел, не поздоровавшись.

– Пива! – кивнул он официантке, – Привет, Алекс! – наконец удостоил он внимания злую Александру.

Та продолжала хмурится и нервно шелестеть газетой.

– Что хотела, ежик?

– Перестань фамильярничать, Лобов! Ты же в курсе, у меня к тебе дело есть.

– Какие у нас могут быть дела, малыш, когда жизнь так прекрасна!

Саша достаточно долго работала с Борисом в одном охранном агентстве, чтобы узнать в его развязанной манере настороженность и собранность. Интеллигентный и скромный Лобов превращался в хама и болтуна, как только его нервы натягивались от предчувствия настоящего дела. Он становился взвинченным и невнимательным к происходившему вокруг него, если только это не касалось его работы. А работа у Бориса была нервная и редкая в этом городе – частный детектив. Заказов у него было немного, но те, которые были, обеспечивали его существование на год вперед. Именно желание заработать заставило Бориса расстаться со своей должностью в ФСБ, хотя его карьера обещала быть блестящей. Теперь он был «вольный художник», как любил про себя говорить.

– Расскажи мне, золото мое, что за проблемы у нашего благородного семейства? Почему меня увольняют из агентства?

Что за дискриминация по половому признаку? – приступила к расспросам Саша, решив сразу же разобраться со всеми делами.

– Видишь ли, малыш, не время сейчас женщинам заниматься столь тяжелым делом. Не нужно протестов! Я знаю – ты не женщина. Ты – монстр. И монстр опасный.

– Чего-о-о?… – возмущенно протянула Александра, закатывая рукав и обнажая неслабый бицепс, – Я тебе сейчас покажу, какой я монстр…

Борис, похохатывая, спрятался за кружкой с пивом:

– Ну, я же говорю! Ладно, не нужно волноваться, свои приемы самообороны на ком-нибудь другом отработаешь. А если серьезно, то никто тебе сейчас заказ на охрану просто не доверит. Ты что, не знаешь, что в городе творится? – внезапно посерьезнел Борис, тыкая пальцем в заголовок газеты, – Ты что, себе вообразила? Кто тебе деньги будет платить, когда богатые папики чуть ли не по сейфам детей прячут, а в охранников берут только бывших наемных убийц. Тоже мне, НикитА! Тебя саму украдут вместе с охраняемым!

– Ага, а дипломы охранников только в институте благородных девиц раздают, за особые успехи в танцах и вышивании!

Да я троих мужиков уложу, они даже пикнуть не успеют! – горячилась Саша.

– Знаю, знаю, Терминатор, ты крута. Но ты это нашему боссу объясни. Ему вряд ли улыбается держать в штате лишнюю единицу, если ему за нее денег огрести не светит. А знаешь, какой спрос нынче на личную охрану? С руками отрывают! Засуетились толстопузы, боятся… К тому же, если честно, после того, что случилось между тобой и последним клиентом, можешь о карьере охранника просто забыть.

* * *

Имелась ввиду скандальная история романа Сашки и ее последнего клиента. Руслан и Карина, его дочь, которую и нужно было охранять, оставались темным пятном на биографии Сашки, на ее послужным списке. Ее профессионализм в охранном деле был высок, а этику она соблюдала безупречно. И вот – какая-то вожжа под хвост попала, как говорил про нее Пинч (так прозвали босса). Она влюбилась в эту семью, как дурочка, и позволила себе явно лишнего. Сперва решимость бросить работу, подруг и родину была велика – столь сильной оказалась тяга к теплу и проснувшаяся вдруг женственность. Но потом первый порыв прошел и Сашка будто внезапно очнулась, увидев в зеркале чужую женщину в кудрях и шелковом халате. «Что со мной?» – смотрела Саша на свои холеные ручки и старалась осмыслить свою обессмысленную жизнь. Кем она стала? «В чьем я уме? Видно, что не в своем…»

Она стала кем-то еще. Эта другая женщина готовила завтраки, заплетала косички и целовала мужчину.

Как-то вернувшись домой Роман застал там бритую наголо Сашу в порезанных джинсах, занятую сборами дорожного рюкзака.

Она чмокнула его в щечку:

– Адьес, амиго. Привет дочери.

Кинула связку ключей на мраморный столик и хлопнула дверью.

Так Саша вернулась домой – снова одна, опять без работы. Об этой истории узнали все, и теперь ей рудно было добится восстановления диплома охранника. Борис был докой в делах охранного агентства и обещал за Сашу похлопотать.

* * *

Последние слова собеседника Саша будто пропустила мимо ушей.

– Боря, милый, а что происходит? У нас что, некому с преступностью бороться?

– Видишь ли, не ясны мотивы похищений. Людей просто крадут. Причем, никто ни у кого выкуп не требует. И люди все разные: взрослые, дети, мужчины, женщины, бедняки, люди среднего достатка… Трупов не находили ни разу. Следов никаких. Менты ищут в направлении Чечни, все выезды из города под контролем. Ни-че-го. Люди все где-то здесь, в городе. А где? Искать не эффективно. Они пропадают в разных районах. Сил оперативников не хватает,

чтобы прочесать все подозрительные места сразу. Вот и бегают, несчастные, а люди пропадают, и пропадают…

– А мне-то что теперь делать?

– Веди свои курсы самообороны. К тебе теперь наплыв желающих будет, вот увидишь. Только ты им сначала идею внуши, что нельзя доверять никому. Опасен не тот, кто на тебя с кулаками бросается в целях надругаться над женской честью. Опасен тот, кто заглядывает тебе в глаза и улыбается…

Борис надолго замолчал, засмотревшись на процессию кришнаитов, с бубнами и песнями пропрыгавших мимо. Саша, прищурившись, смотрела в другой конец Проспекта.

– Ладно, фиг с ним. Давай забудем … Знаешь, я девчонок пригласила с нами посидеть. Ты не против? – Александра положила ладонь на руку Борису и слегка сжала ее.

– Вот этих своих девчонок? И эта рыженькая будет… как ее… Лариса? – встрепенулся Лобов, – Конечно, не против, о чем ты? Люблю дамское общество.

– Ну и отлично. Потому что они уже почти здесь.

С приходом подружек стало шумно и хлопотно, будто осенний ветер пригнал стаю шелестящих листьев. Начались поцелуйчики, шуточки, стрельба глазками и хохотки. Компания не собиралась в полном составе уже давно (Александра только что вернулась из Лондона), и всем приятно было видеть друг друга. И мужественная Сашка разулыбалась, глядя на аристократичную Ларису, взбалмошную Катю, интеллигентную Алину и отчего-то светящуюся Оксанку.

Когда все угомонились, расселись и погрузились в созерцание стеклянных донышек пивных кружек, над которыми вились пузырьки, бойкая Алина произнесла:

– Ну, рассказывайте, как мы дошли до жизни до такой. Отчего это у нас, как в бермудском треугольнике, люди пропадают? А?

– Девочки! Ну, ваши-то головки об этом болеть не должны, – слащаво проворковал Борис, поглядывая на Ларису.

– Отчего же, отчего же, – холодновато возразила Катя, закуривая, – мы люди взрослые и умные, и нам тоже интересны последние новости с передового фронта частного сыска.

«И чего мужики все при виде Лариски сразу слюни пузырями начинают пускать?» – злилась она при этом, разглядывая свои полноватые ножки и в очередной раз решая отказаться от завтрака.

– А чего знать-то? Ну, крадут людей и все, – Сашкино раздражение наконец-то нашло себе выход, – Что еще?

– Люди пропадают? – откуда-то с облаков спустилась Ксюха, – Куда пропадают?

– Вот и мы думаем – куда? – уставилась на подругу Катюха.

– А у нас дворник пропал, вы в курсе? Тетя Света целыми днями матерится, говорит, что найдет – убьет. В ЖЭКе сказали, что другого дворника не дадут, пусть у нас хоть все плесенью покроется. Третий день уж где-то бродит… – Оксана подняла на подруг свои невыспавшиеся глаза.

– Запил дядь Егор поди, – лениво потянулась Лариса.

– Не-а, похитили его с целью шантажа и выкуп будут требовать – сто тыщ мильонов! – сострила Алина и ущипнула Оксану за бок – Не спи, замерзнешь! Че ты по ночам делаешь, у тебя же выходные?

– Да хахаль у нее новый завелся, – прищурилась Саша, – Поди спать не дает. А?

– Дура ты, Сашка, и шутки у тебя дурацкие! Никакой он мне не хахаль. Просто человек хороший, вот и все… – возмутилась Оксана.

– Хахаль? – удивленно протянула Катя, – А давайте знакомиться с Оксаниным хахалем: должна же семья знать, в чьи недобрые руки отдает свою дочулечку!

У Кати всегда были комплексы по поводу того, что она самая младшая и самая благополучная из всей компании, вот она и пыталась как-то самоутвердиться, навязывая свою мате-

ринскую заботу Оксане, которая из всех пятерых была самая, на Катин взгляд, неприспособленная.

– А правда, – загорелась Алина, – давайте знакомиться! А, Ксюх? Может, мы тебя замуж сдадим наконец?

Борис опять задумчиво молчал и смотрел вдаль. Оксана передернула плечами и представила, под каким соусом она подаст своего загадочного ухажера, который неуклонно захватывал ее слабую душу и становился главным персонажем ее жизни. В этом было странно признаться самой себе, но это было так. Он приходил и уходил именно тогда, когда это было нужно. Он знал, когда молчать, а когда говорить, когда веселиться, а когда быть мрачным. И главное – он никогда не говорил о себе. Все – о ней. И о ее сыне.

– Ну, я не знаю, – помолчав, сказала она, – Надо ли вам это?

– Надо-надо! Давайте мы все поедем ко мне и там будем знакомиться! – бросила инициативу Алина.

Она открыла органайзер, быстро пролистала его и произнесла:

– Сегодня. В восемнадцать тридцать две – и ни минутой позже. Кино, вино и домино – я имею в виду культурную программу – за мной! Ну, я побежала – занятия в английской школе начинаются. Bay-bay, see yor later!

– И мне пора, – поднялся Борис, – работа, она, знаете ли, хоть и не волк, но… – он кивнул девушкам и быстро удалился.

Оставшиеся не нашли ничего лучшего, как расплатиться и пойти прогуляться по магазинам.

* * *

Оксана лежала на траве и смотрела в выцветавшее небо, по которому с огромной скоростью проносились холодные белые тучки. Последний солнечный день решено было встретить воскресным «валянием», как они с сыном в шутку называли приятное безделье в горизонтальном положении. Никита был столь любезен, что составил им компанию.

Андрюха пытался собрать все нападавшие уже листья в большую кучу, напевая при этом песенку собственного сочинения, про то, как приятно светит солнце, какая красивая мама лежит, какой вертолет они собрали из конструктора с дядей Никитой и как хороша жизнь, когда за щекой чупа-чупс.

Оксана похохатывала над неуклюжей медвежьей походочкой своего сынули, а Никита жевал травинку и смотрел на реку.

– Расскажи мне о своих подругах, – вдруг попросил он.

– Зачем? – подняла голову Оксана.

– Ведь ты собираешься меня с ними познакомить. Должен же я морально подготовится, – иронично отозвался Никита.

– Да? Ну, ладно, слушай. Номер первый – Алинка-балеринка. Она, конечно, не балеринка, но фигура – соответствующая. В совершенстве владеет английским и ищет своего прекрасного принца. Остра на язык и обожает готовить.

– Идеальная жена.

– Не перебивай. Номер два – Александра. Сандра, Сашка, для товарищей мужского пола – Алекс. Спортсменка, комсомолка – и все такое. Уложит двоих одной левой, прекрасно водит машину и совершенно теряется, когда за ней начинают ухаживать – для мужчин она обычно – свой парень, никому и в голову не приходит просить у нее нежности.

– Пацанка.

– Ваши остроактуальные замечания, Клара Захаровна…

– Чего???

– Нет, это я так. Дальше рассказывать?

– Угум.

– Потом – Катя. Катя – мажорка до мозга костей. Привыкла кататься, как сыр в масле и ни в чем себе не отказывать. Муж – бизнесмен, старше ее на пятнадцать лет. Катя любит вкусно поесть и при этом переживает из-за своей не в меру мясистой попки. В смысле, не манекенщица она, и это заметно.

Ксюха посмотрела на свои острые коленки и вздохнула.

– А еще у нее есть дочка, на которой я женю своего Дрюньку, когда вырастет.

– Да?

– А что, семья у них хорошая, богатая. Пусть парень пристроится, не то что мамка.

Никита выплюнул травинку и опять посмотрел на Оксану. Она продолжала:

– Гвоздь нашей программы – Лариска. Лорекс – это просто шило в попе. Все время ей не терпится влезть в какие-нибудь приключения. Принцип жизни: со всеми мужчинами не переспишь, но нужно к этому стремится. Богема: наркота, вечеринки, знаменитости. К ней на пьяной козе не подъедешь. Но мне она нравится с некоторых пор – наверно, с тех, как ее из дурки выпустили.

– У девушки нервы?

– У девушки с головой не все в порядке. А теперь она как-то притихла, стало в ней что-то такое напряженное. Она жутко талантлива, но разменивается по мелочам.

– Эстетствующая шлюха.

Оксана резко встала:

– Слушай, что за манера на всех ярлыки развешивать? Ты поаккуратней с определениями!

– Извини. Не хотел обидеть. Я просто подводил резюме твоим словам.

Оксанка остыла и подумала, что она сама как-то непривычно резковато отзывалась о подругах. А человек-то их не видел, вот и составил себе представление с ее собственных слов. Сама виновата.

– Ты не думай, – примиряюще начала она, – они очень хорошие, и я их люблю.

– А я и не думаю, – казал Никита и пошел играть с Андреем, – А кто тут у нас собирался полетать? А вот мы сейчас его забросим на самое высокое дерево! УУУУУУУУУУ!

И начались визги, писки, хохот радостно взлетавшего в воздух малыша, который барахтался и пыхтел, будто маленький медвежонок. Оксана наблюдала за игрой с радостным удивлением.

ГЛАВА 3

Было ясно, что проснуться на этом пустыре он не должен был. Солнце нагрело щеку, отчего во рту было сухо и приторно. Язык распух, а в затылке саднило. Муха пыталась укусить его в глаз. Он дернул веком, и удивленная муха, басовито гудя, пересела на нос. Он вскочил, обжегшись о крапиву, и огляделся. Под пригорком блестела Волга, неподалеку тихо шелестел лесок. Город виднелся у подножья горы. Как он здесь оказался, не ясно было абсолютно. Он попытался подняться на ноги и понял, что, видимо, он просто много выпил.

* * *

Следователь Петров любил по вечерам смотреть в окно. Окно выходило на центральную улицу, и наблюдать за людьми было прелюбопытно. Петров считал себя великим психологом и гордился своим знанием теории человеческих типов и физиогномики. Вот парочка сидит в кафе напротив. Можно подумать, что у них роман. Ничего подобного. Эта женщина просто старается «раскрутить» его на выпивку, а потом смотаться под благовидным предлогом. Вот стайка наркоманов делает вид, что прогуливается, хотя ждут они все барыгу, который должен вернуться из Питера с грибами. Барыга не вернется: он вторые сутки ночевал в следственном изоляторе, а грибы сданы якобы на экспертизу. «Знаю я, какая у нас экспертиза – сами поди стрескали, пелевинщики фиговы…» – хмуро размышлял следователь.

– Иван Сергеевич, оперативная сводка! – раздался за спиной доверительный бас дежурного.

– Опять подкрался, скаут недоделанный – вздрогнул Петров и взял листок с наскоро (это было видно по отсутствию знаков препинания) набранным текстом оперативной сводки. В ней было написано:

«Сегодня в два часа дня поступил звонок о том что пропавший на прошлой неделе Семен Девятов вернулся сегодня днем домой в целостности и невредимости. Оперативная группа провела дознание. Состава преступления не обнаружено приведены убедительные доводы о реальных причинах отсутствия. Дело рекомендовано закрыть.

С такими же результатами завершились два других подобных инцидента. У всех пострадавших нет никаких претензий и пожеланий. Пострадавшими себя не считают. Отсутствие обосновали».

– Чертовщина какая-то, – пробормотал Петров, складывая листок в одну из двух кучек на столе.

В одной кучке лежали сводки о пропаже людей, в другой – об их возвращении. За последние два дня домой вернулись практически все ранее похищенные. За исключением двух маленьких детей. Все это Петрову перестало нравится уже очень давно, а неугомонные журналисты, которые круглые сутки буквально сидели у него на хвосте (один и сейчас торчал напротив в кафе и третий час пил одну и ту же чашку чая), просто сводили его с ума и связывали ему руки. Решительно действовать было запрещено и санкцией руководства. Почему?

В доме напротив девушка сидела на перилах балкона, свесив ноги вниз и покачивалась в такт только ей слышной музыки.

– Безумица, – пробурчал следователь, отхлебывая из фляжки и предчувствуя тяжелую ночку.

* * *

Сашка сидела на перилах балкона и покачивалась в такт ритму музыки. Ей было хорошо, у нее снова была работа. Новый Оксанин знакомый, этот Никита, был так мил. Как только он узнал о специальности Сашки, он поднял брови и спросил:

– А что леди думает о том, чтобы присмотреть за одним милым богатым старичком, который живет неподалеку, очень любит эстетику и не любит тупых телохранителей? Или она очень занята?

Конечно, она свободна и готова на любые условия. Условия были лучше некуда – полный пансион и очень неплохой оклад. Приступить к работе можно было хоть завтра.

По этому поводу Саней было выпито все виски в доме Алины и заброшены все грустные мысли о прошлом. Даже настойчивые приставания подруг не могли заставить ее раскрыть им тайну того, куда из ее жизни девались Роман с дочерью. «Куда-куда вы удалились, весны моей…» – только пела пьяная Саша, приводя подруг в бешенство.

Вечер удался. Пили вино и закусывали канапе, которые смастерила хозяйственная Алина. Оксана все время краснела и пряталась за широкую спину своего спутника. А спутник вел себя галантно и непринужденно, очаровывая всех своим спокойствием и редкими в наше время хорошими манерами. Разливая вино девушкам, Никита улыбался уголками губ и снисходительно терпел все шпильки, которыми по привычке его забрасывала хозяйка дома.

– He so handsome, – бормотала она.

– Not so as you, – к ее удивлению звучало в ответ.

Пока Оксана ходила на балкон снимать с перил разомлевшую Сашу, завязалась какая-то феминистическая беседа на тему идеалов женской красоты, причем Алина настаивала на том, что стильно быть некрасивой, а Катерина считала, что мужской диктат слишком жестоко насаждает свои вкусы, не считаясь с потребностями женщины.

– Женщина должна быть сладкой и мягкой, темной и податливой, непонятной и затягивающей, – медленно поговорил Никита, – Иначе гармония нарушится.

– Какая гармония? – спросила Катя, выпуская дым колечками и искоса смотря на собеседника. В своей мягкости и податливости она не сомневалась.

– Основополагающая. Между мягким и твердым, сухим и влажным, горячим и холодным. Светом и тьмой. Добром и злом. Попытки перепутать эти вещи и приводят к тому, что женщина становится похожей на мужчину, а дети на взрослых.

– Какой вы умный! Вам череп не жмет? – отозвалась из дальнего угла комнаты Лариса, до той поры молчаливо рассматривающая какой-то альбом с гравюрами.

Никита удивленно и насмешливо посмотрел в ее направлении и, усмехнувшись, продолжал:

– Мужчины просто всегда боялись женщин, особенно женщин умных. За это и жгли их на кострах, принимая за ведьм. Рыжеволосых зеленоглазых ведьм. Вавилонских блудниц. Сегодня с женской загадочностью принято бороться другими методами – превращать женщин в мужчин. И вы, дорогие феминистки, им в этом помогаете. Ну, хоть тело бы свое в покое оставили, – усмехнулся он и погладил взглядом круглое бедро Кати. Лариса фыркнула и тоже вышла на балкон.

Катя проводила ее взглядом и сказала:

– Пожалуй, я хочу вас познакомить со своим мужем. Ему все это и расскажете. Знаете, мы через две недели планировали небольшой фуршетик сорганизовать. Муж сделку заключает с одной фирмой крутой. Поэтому поводу люди интересные соберутся всяческие. Приходите с Ксюшей. Она, конечно, не захочет – работа там и все такое. Я ей свое платье для коктейля

пришлю, а вы, Никита, проследите, чтобы она его надела, ОК? Алина, вывела бы ты эту пьяную толпу с балкона. Завтра опять с тетей Светой с утра разбираться придется!

Алина поспешила на балкон, где застала подруг, потешавшихся над выходками Александры, которая позволяла себе лишнего, устраивая публичный стриптиз. Подруги пытались затащить ее в комнату, та упиралась. Наконец, Александру призвали к порядку и проводили в ванную, под аплодисменты собравшейся под балконом публики.

Оксана вызвалась по привычке помочь Алине мыть посуду, а Катя с Ларисой остались покурить на балконе. Катя нервно затягивалась и то и дело томно вздыхала.

– Ты чего? – спросила Лариса.

– О-о, я не могу, – простонала Катерина, – какой мужчина, бог мой! У меня от его взгляда мурашки толпой бегают, а голос… блин, да я с ним лягу по одному только его слову! Когда я о нем думаю, у меня трусики намокают…

– Эк тебя разобрало, развратница старая! Когда ты уже угомонишься? Вроде замужем и ребенок имеется, а все одно на уме.

– На себя посмотри, пробу ставить негде! – обиженно пробубнила Катя, – Я тебе не о том толкую. Я тебе говорю, что этот товарищ – пожиратель женщин. Он их просто высасывает и выбрасывает. Он альфонс, ежу понятно! Но что он с Оксанкой-то делает? С нее-то взять нечего! Понимаю, если бы он взялся менять соблазнять..

– Что тебя соблазнять, у тебя уже крыша поехала!

– Блин, да послушай ты! Я у нее спрашивала – они даже ни разу не спали! Ни разу! Она что, больная у нас вообще? Она не понимает, что такие мужчины случаются раз в жизни? От него же наверное любая забеременеть мечтает, это видно!

– Катя! Он недобрый человек, о каком сексе ты говоришь?

– Какой недобрый! Ты бредишь, девочка моя! Я такого душки не встречала никогда в жизни. Что он в этой серой мышке нашел?

– Слушай, ты что городишь-то? Ты о ком говоришь? О подруге о своей! Ты все чаще забываешься, дорогуша. Может, мужу твоему позвонить, попросить его за тобой приехать, чтобы ты успокоилась?

– Тьфу-ты, дура ты ненормальная. О чем я вообще с тобой разговариваю…

Подруги замолчали, каждая думая о своем. Внизу размеренно ширкала метла дворника.

– Хм, а Оксана говорила, что Егор пропал. А он себе подметает. Его-ор, ты где был, старый хрыч! – крикнула Лариса.

Егор поднял свою добродушную физиономию и туповато улыбнулся.

– Вот балбес, – равнодушно сказала Лариса, кинула бычок ему на голову и ушла в комнату.

Катя еще помедлила на балконе, мечтая о том, как в ее темноту вторгается твердость и свет, и засобиралась домой.

* * *

Алина мыла тарелки и складывала их ненадежной горкой на край стола. Оксана со смехом ловила соскальзывающую посуду и вытирала ее льняным полотенцем.

– Ну, рассказывай, – наконец не выдержала Алина.

– А что рассказывать?

– Как что? Привела человека, а кто он такой и кем тебе приходится – догадывайтесь сами, получается? Тоже мне, брейн-рингеров нашла!

– Я не знаю. Я не знаю, кто он такой, откуда он такой и кем он мне приходится, – немного нервно сказала Оксана. Было видно, что она сама была бы рада, если бы кто-то ей это объяснил.

– Ты что, мать, влюбилась?

– Не знаю. Он мне не говорит ничего, а я и не спрашиваю. Приходит, подарки приносит – и мне, и Андрюшке. А я обратно отдаю. Нечего баловаться.

– А чем он на жизнь зарабатывает? Выглядит вполне прилично.

– Он жил в Европе раньше. Работал кем-то. Дипломатическим представителем, что ли? Я не поняла, если честно.

– А здесь он что делает? Если он иностранец, то почему так хорошо по-русски говорит?

– У него семья эмигрировала, когда он был маленьким, а теперь все умерли и он решил вернуться на историческую родину.

– А зачем? За семь верст киселя хлебать? Какой же дурак сейчас обратно в «совок» едет? Может, врет? Тоже мне, принц инкогнито!

– Да оставьте меня в покое! Я сама ничего не понимаю. Только жить без него уже тошно…

– Ну, ладно-ладно, – миролюбиво прошептала Алина, беря из опустившихся рук Оксаны тарелку, – все нормально. Все будет хорошо.

ГЛАВА 4

Он стянул с нее трусики зубами и начал оглаживать ее мягкие бедра. Потом он взял в рот ее сосок и с наслаждением втянул губами кожу. Катя застонала и выгнулось дугой, чувствуя твердость его члена, упиравшегося в ее тело.

– Как мне нравится видеть твои раздвинутые ноги, чувствовать, как твердеет твой сосок у меня во рту, слышать твои похотливые стоны, – жарко шептали его губы, прижимаясь к самым ее губам.

Катя раздвинула ноги еще шире и притянула его за ягодицы к себе. Чувствуя, как он входит в нее, она едва не потеряла сознание – так это было хорошо.

– Милый!.. – выдохнула Катя, впиваясь Никите в спину ногтями, содрогаясь от сильнейшего оргазма и …просыпаясь.

Она лежала на своей кровати с раздвинутыми ногами и бьющимся сердцем, а рядом посапывал ее Родик.

«Господи боже, это ж надо такому привидеться!» – подумала Катя со смешанными чувствами и стала будить мужа, намереваясь получить от него то, чего ей так хотелось. От другого.

* * *

На следующее утро Саша стояла на пороге роскошного особняка, о существовании которого в окрестностях города она не могла даже подозревать, а глазок видеокамеры придирчиво осматривал новую гостью. После двух минут молчания шипящий голос из динамика сказал:

– Нажмите на кнопку и проходите.

Александра долго соображала, где находится кнопка – перед ней была кованая решетка и никаких признаков электронных устройств. Наконец она увидела, что имелась ввиду завитушка прямо на уровне ее глаз, надавила на нее и прошла сквозь ворота.

Идя по аллейке по направлению к дому, Александра уговаривала свой желудок ей повиноваться и не наделать глупостей прямо на этот причесанный газон. Похмелье для спортсменки – дело непростое… Оставался только старый добрый аутотренинг: «Надо меньше пить. Пить надо меньше», – бормотала Саша, поднимаясь на крыльцо.

На пороге дома ее встретил безукоризненно одетый молодой человек и жестом пригласил ее следовать за ним. Что-либо расспрашивать у него не было никакого настроения.

Ее привели в темноватый на ее вкус кабинет, в котором за столом сидел очень пожилой человек и что-то печатал на компьютере. Услышав шаги, он оторвал взгляд от монитора и посмотрел на Александру поверх очков.

– Александра Вершинина? Здравствуйте, мне по поводу вас звонили. Рекомендации хорошие, – он взял в руки какой-то листок и пробежал его глазами. Что-то из написанного вызвало у него удивленную гримасу:

– Скажите, вы потеряли работу из-за того, что нарушили договоренность и позволили себе вступить в личные взаимоотношения с клиентом? Это правда?

– Да, – чуть помедлив произнесла Саша.

– Ничто человеческое вам не чуждо, значит? – посмотрел он на нее снова и дужки его очков синевато блеснули в свете монитора, – Меня, кстати, зовут Ян Домбровский, я ученый. Вам говорили?

Александра только сейчас заметила, что стены комнаты состоят из книг, а окно в комнате только одно – в потолке. Она промолчала, делая над собой усилие не сползти на ковер. Ох, тяжело же быть глупой и нетрезвой!

Ян между тем погрузился в свою работу, сказав:

– Вас проводят.

Ее проводили. В комнату, в которой не было ничего лишнего. Обязанности она свои знала. Утром по вызову выводить машину из гаража и ехать, куда будет велено. Потом провожать хозяина до двери и дожидаться его появления. Вечером делать обход и проверку помещений и территории вместе с другими охранниками. Все остальные обязанности, предупредили ее, будут пояснены в ходе работы, если она будет неплохо справляться с этими. Жить ей придется здесь. Разрешен один звонок в день.

«Здесь так здесь», – подумала Саша, переодеваясь в униформу, которую ей принесла улыбчивая служащая.

* * *

– Катерина, ты куда?

– У меня организационное собрание в институте! – соврала Катя, строя себе глазки в зеркале.

Юбочка сидела на ней, как влитая, а в разрез блузки при желании можно было разглядеть кружевной краешек «wonderbra».

«Не пойму – то ли я красива, то ли я очень красива…» – совершенно искренне думала Катя, поглаживая себя по бедрам. Ночь любви со своим собственным мужем, хоть и не принесла ей столько страсти, сколько нужно было ее молодому телу, но все же зажгла ее глаза влажным блеском и раскрасила нежным румянцем пухлые щечки.

Катя чувствовала себя наполненным соком плодом, которому только и нужно, что острые зубки и жадный рот, чтобы брызнуть мякотью. Своего мужа она в расчет не брала: он был старше на 15 лет и страстность его была делом прошлым. Иногда Катерина чувствовала себя одураченной. Она могла и хотела дать мужчине так много, но ее мужу это было ни к чему, а другие мужчины обходили несвободную теперь Катю стороной. Раздеваясь догола перед зеркалом в ванной, Катя брала в руки свою грудь и удивленно рассматривала свое тело, которое еще больше расцвело после рождения дочери: «Кому это все? Кому?» – тоскливо думала она.

Воспитание не позволяло ей и думать о том, чтобы изменить мужу. К тому же, в брачном контракте значился пункт, согласно которому в случае измены одной из сторон другая имеет право подать на развод, причем виновная сторона уплатит огромную неустойку. По всему получалось, что Кате ее измена встанет во все ее состояние, включая однокомнатную квартиру, в которой сейчас жила Оксана. Катерина была девушка сообразительная и поэтому не рисковала заходить дальше посещения мужских стриптизов, секс-шопов и просмотра порнушки в горьком одиночестве. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Собираясь сегодня на встречу с Никитой, которую она так опрометчиво назначила, она понимала, что просто теряет голову и уже прикидывала, как ей придется жить вместе с родителями и воспитывать дочь без мужа. В голове ее крутилось пошлое название какого-то фильма: «Готова на все».

Натягивая сегодня на себя нижнее белье после душа, Катя поняла, что она уже «завелась». Прикосновения шелка возбуждали ее, а процесс натягивания колготок вызывал томные постанывания. Скрывая свое разгоряченное тело под одеждой, Катя томно улыбалась себе в зеркало и думала: «Сегодня! Да, сегодня – и трава не расти!»

– Девочка моя, ты когда вернешься? – вывел Катю из розовых грез голос ее мужа.

Катерина притопнула ножкой, обутой в «шпильку»:

– Родя, ну откуда я знаю? Когда отпустят – тогда и приду! Ну, еще с девчонками из группы может быть пива попьем на Проспекте.

– Катюша, солнце, не задерживайся – наша няня сегодня попросила отпустить ее пораньше, а мне нужно будет отлучиться… Иди, кисонька, папик тебя поцелует в лобик…

Катя, сморщившись, подставила лоб, погладила мужа по бритой щеке и поскакала вниз по лестнице, мурлыкая радостную песенку.

Только усевшись под зонтик в кафе, Катя вспомнила, что обещанное Оксане платье – предлог сегодняшней встречи – она и не взяла… Катя на минутку призадумалась о том, что теперь предпринять. А потом ей вдруг пришла в голову очень приятная мысль о том, что Никита – не маленький мальчик и все должен понимать. Что не за этим его сегодня сюда позвали.

Катерина нарочно выбрала для встречи эту милую кафешку, которая располагалась непосредственно на первом этаже элитной гостиницы «Волга». Номер «люкс» с окнами, выходящими на Проспект, уже был ее забронирован на ближайшие сутки. На это ушли все ее карманные деньги, но «в деле любви не стоит думать о таких мелочах» – считала она.

Катюха заказала себе бокал белого вина, достала пачку «Wirginia Slim», закурила сигарету и приняла томную позу, положив ногу на ногу. Подумав немного, она расстегнула еще одну пуговку на блузке и проверила собственную эффектность, покосившись в витрину кафе.

«Да, оно!» – восхитилась собой Катя, поймав на себе сальный взгляд парнишки, сидящего за соседним столиком.

Вдруг к ней подошла благодушная на вид девушка с полным отсутствием косметики на лице, нагнулась и заглянула ей в глаза.

– Здравствуйте, я из церкви Новое объединение. Скажите, как вы относитесь к половой жизни до брака и к изменам в браке? – улыбаясь спросила девушка.

Катька захлебнулась дымом и закашлялась.

– Всегда – за! – сквозь кашель ответила она.

– Спасибо – снова радостно улыбнулась девушка и поспешила прочь.

«Вот черт! Одно к одному…» – раздосадованно думала Катя, подкуривая новую сигарету, – «Я, наверное, выгляжу, как прожженая шлюха».

От этой мысли стало как-то не по себе. Катя застегнула пуговицу и раздраженно посмотрела на часы. Оказалось, что она пришла слишком рано. Оставалось три минуты до назначенного времени.

Не успев расстроиться по этому поводу, Катя заметила Никиту. Улыбаясь, он подошел к ней и поцеловал руку:

– Здравствуйте, Катя! Вы так хорошо смотритесь под этим зонтиком.

Катя неопределенно повела сигаретой и томно разулыбалась в ответ.

– Что наше платье?

Катя от неожиданности снова чуть не подавилась дымом. В попытках срочно сочинить отмазку на ум пришла сцена из старого совкового фильма: «Халатика еще нет, его подружка должна принести…»

– Ой, знаете, Никита, мне так неудобно перед вами! Я вам платье пообещала, но совершенно упустила из виду, что я его уже своей подруге подарила… Извините, что так получилось…

Никита, прищурясь, посмотрел на нее и вдруг рассмеялся. Катя вздернула брови и пыталась сыграть удивление и негодование. У нее не выходило.

– Знаете, Катя, это даже к лучшему, что так получилось, – внезапно успокоился Никита, – Вы и Оксана – совершенно разные женщины, и ей бы вряд ли подошел ваш наряд.

Катя уже начала надувать губки – ей в каждом подобном заявлении чудился намек на то, что она слишком толста, но Никита продолжал:

– В смысле, у вас разный типаж, имидж, разный темперамент, наконец. Ей нужно иное, нежели вам.

– А-а-а… – Протянула Катя, – Да, вы, безусловно, правы. Ну, и что мы теперь будем делать?

– У меня есть предложение. Давайте вы меня поведете по местным магазинам. Я в городе недавно и, знаете, совершенно не знаком с особенностями местного «шопинга». К тому же, ваш вкус… Вы мне поможете?

– Ну, конечно же!

– Тогда немедленно идем.

И они пошли. Немедленно. Даже можно сказать – очень быстро. Томность с Кати слетела моментально: какая тут томность, когда только и думаешь, как бы каблук между плитами не оставить ненароком. И все равно – так приятно было идти по улице с таким видным мужчиной…

– Никита! Давайте заглянем в «Соблазн» – и идти недалеко, и шмотки эксклюзивные, – повисла на руке спутника Катя, отчаянно тормозя каблуками.

– Как скажете, вам виднее, – отозвался Никита и изменил курс следования.

В «Соблазне» продавщицы, у которых наверняка был нюх на стоящих клиентов, материализовались чуть ли не из воздуха и стали улыбчиво навязывать все, что у них висело чуть ли не второй сезон по причине неоправданной дороговизны. Катя молчала, думая о том, под каким предлогом она пригласит Никиту в гостиницу. Никита, ловко уходя от прилипчивых длинноногих продавщиц, проявлял удивительную для его пола разборчивость в женских нарядах и твердо отклонял предложение приобрести напыщенный модный мусор, который стоило давно подарить шоу трансвеститов.

Он пересмотрел все вешала, повернулся к Кате и спросил: – И это все, что может предложить этот модный салон обаятельной молодой девушке?

Катя повела плечами, взяла Никиту под руку и, задрав подбородок, повела его к выходу, громогласно заявив:

– Пойдем, дорогой, нам нечего делать в этом «секонд-хенде»!

Как сладка была месть холеным продавщицам, которые так высокомерно смотрели на нее, когда она по малолетству с подружками ходила сюда для того, чтобы просто посмотреть на роскошь вещей, которые были похожи на мечту. Выйдя на улицу, Катя посмотрела на Никиту:

– Почему вам ничего не понравилось? То платье с боа было очень даже ничего.

– Видите ли, Катя, такое платье предназначено для современной самоуверенной женщины, для которой секс – одна из разновидностей спорта. Оно – как доспехи для охотника, идущего на крупную дичь. Здесь продаются очень агрессивные наряды. Для Оксаны это не подойдет.

– А для меня?

– Для вас? – Никита снова посмотрел на Катю так, будто ему было дано рассмотреть все движения ее души сквозь тонкую кожу под блузкой, – Вам тоже нужно что-то иное.

– Какое?

– А отведите меня еще куда-нибудь – там и посмотрим.

Она минутку подумала, начиная комплексовать по поводу того, что, оказывается, не разбирается в женской одежде. Потом вспомнила, что Лариса все стильные вещи всегда приобретала в «Галерее моды» и от своих любовников требовала того же, а Лорка никогда не ошибалась – художественный вкус, елы-палы!

– Нам далеко, – подняла она умоляющие глаза на невозмутимого Никиту.

Он кивнул и повел ее по направлению к стоящим на перекрестке такси.

В «Галерее моды» продавцы были чуть более равнодушными. Они были похожи на пасущихся на лугу коров, которые только и могут, что повернуть голову при появлении чужака и снова приступить к пережевыванию жвачки. В просторном зале «Галереи» можно было спокойно предаться разглядыванию вещей – все равно их никто не покупал.

Никита долго бродил по проходам между вешалками и задумчиво перебирал развешанные там наряды. Вдруг он остановился и подозвал Катю:

– Вот посмотрите – я нашел кое-что для вас.

Он бережно вытащил вешалку с длинным платьем и протянул ее Кате. Она посмотрела на него и подумала, что она бы эту вещь здесь просто не заметила.

– Померьте – я настаиваю.

Катя, как кролик под гипнозом, прошла в примерочную. Натянув на себя наряд, она посмотрела в зеркало и поняла, что это действительно ее платье. Оно было терракотового цвета и красиво облегало фигуру. Линия талии была немного завышенной, а лиф был украшен вышивкой в античном стиле. Узкие рукава доходили почти до кончиков пальцев. С плеч назад ниспадала драпировка, спина была обнажена. Почему-то это платье казалось сшитым только для нее. Катя вышла из примерочной. Продавцы встретили ее удивленным взглядом.

– Ну, как? – сдерживая радость спросила она Никиту.

– А вам самой – как?

– Мне самой – бесподобно! – рассмеялась Катя.

– Ну, вот, я же вам говорил.

– А в откуда знали, что оно мне подойдет? – краснея от удовольствия и смущения, спросила она.

– Вы просто очень близки стихии земли, которая таит в себе и смерть, и рождение. Вы – плодородная почва, которая требует, чтобы ее возделали. В этом платье ваша хтоническая сущность проявляется сильнее всего – и это не оставит равнодушным ни одного мужчину. Каждый из них будет счастлив обладать вами, Катя.

– А вы? – внезапно спросила она и посмотрела ему в лицо.

Он отвернулся и снова стал прохаживаться вдоль пестрых рядов одежды.

Катя немного постояла, оглушенная током собственной крови. Потом медленно пошла в примерочную. Раздеваясь, она почувствовала, что вид собственного тела сводит ее с ума. Она села на пол и постаралась взять себя в руки.

Немного растрепанная, Катя вышла из-за занавесок с перекинутым через руку платьем и прошла к прилавку:

– Скажите, а сколько это стоит?

«Священная корова» подняла голову:

– Там написано.

Катя нащупала на подоле этикетку, перевернула ее и не поверила своим глазам:

– Семь с половиной… – в отчаянье прошептала она и медленно пошла вешать платье на место.

Никита проводил ее удивленным взглядом:

– Вам не нравится?

– Знаете, я его как-нибудь в другой раз куплю… А вы что-нибудь подобрали?

– Да. Видите – вот то, сиреневое? Мне кажется, что Оксане нужно именно оно. Она – вода, которая огибает все препятствия, очищает всю грязь, уносит любую боль. Вода – это жизнь… – Никита замолчал и его взгляд вдруг проник сквозь Катю, будто она потеряла свою материальность.

Катя почувствовала, как ее надежды рушатся под этим взглядом.

– Ну, тогда берите его и пойдем, – заторопилась она к выходу, – а то мне еще на занятия.

Никита о чем-то еще поговорил с продавцами, причем те заметно оживились, зашуршали оберточной бумагой, застрекотали кассовым аппаратом, дружно заворковали.

Катя стояла лицом к двери, держась за ручку и чуть не плакала. Все эти безумные сны, все эти надежды оказаться прижатой тяжестью мужского тела и терять сознание от каждого проникновения – все это оказалось не более, чем идеей-фикс, капризом большой девочки,

напрасной тратой времени и денег. «Он, кажется, влюблен в эту дурочку по уши!» – подумала со злостью Катерина и решительно толкнула дверь.

Они простились с Никитой на перекрестке, но вместо того, чтобы отправится в институт, как она обещала, Катя торопливо пошла по направлению к гостинице.

Забравшись с ногами на огромную кровать в злосчастном «люксе», Катя набрала номер и твердо сказала в трубку:

– Служба доставки? Две бутылки шампанского, бананы и кассету XXX в 315 номер!

* * *

После знакомства с Никитой, Оксана вдруг стала лихорадочно пытаться сделать из себя красавицу. Ей было мучительно тяжело ходить по улице рядом с Никитой, который, как она теперь понимала, привлекал внимание своей странной внешностью, а ожог на лбу придавал ему, кроме прочего, особую прелесть. Оксана комплексовала по поводу своей заурядности и безвкусной, как ей стало понятно только теперь, одежды. Она напокупала целую кипу книг «о красоте и как ее добиться» и теперь в свободное время истязала себя самыми экзотическими процедурами. Попутно перешивала старые платья, стараясь соорудить себе нечто подобное тому, что она мельком видела в толстых цветных журналах, которыми была завалена квартира Катюхи.

Вот и сегодня она сидела за шитьем, вся перемазанная разными составами, и присматривала через окошко за сыном, который таскал по двору рыжего котенка.

Вдруг она заметила мужскую фигуру, которая приблизилась к ее сыну и заслонила мальчика своим массивным корпусом.

* * *

Выезжая на очередное место происшествия, Петров задумчиво перебирал в памяти события прошлых дней и пытался найти между ними связь. После того, как дело о пропаже людей было закрыто, а дело о хищении детей передано в другому следователю, у него особых заданий не было. Прокурор отдал ему на откуп несколько происшествий последнего дня – выбирай, мол, то, что по душе. Петрову по душе не было ничего. Ему вообще в этом городе мало что нравилось. И этот, ни чем не объяснимый всплеск однотипных преступлений, ему нравился меньше всего. Он чувствовал себя бестолковым старым псом, которого дурачили проказливые школьники.

То, что у ограблений была одна и та же составляющая – отчаянная смелость и стопроцентная удачливость, уже было странно. При этом грабили банки на крупные суммы и убирали видных бизнесменов. В случаях с ограблениями никто не мог толком описать преступника, а вот убийцы чуть ли не в воздухе растворялись. Убийства носили характер дилетантский, а иногда походили на несчастные случаи: то плита железобетонная с крана сорвется, то собака взбесится и хозяину горло перегрызет. Дела-а!

Сейчас оперативники были вызваны телефонным звонком одной из банковских служащих, которой удалось бежать через черный ход после того, как она услышала в операционном зале подозрительный шум и истошные крики. Центральный вход банка был окружен патрульными машинами, кто-то по мегафону орал нечто строго-угрожающее преступникам. В помещении банка было тихо. Подождав еще немного, операционный зал закидали гранатами со слезоточивым газом и начали захват помещения. Ворвавшиеся в зал ОМОНовцы заметили сквозь дым какие-то тени, бегущие к запасному выходу, после чего ими был открыт огонь. К выходу не удалось пробиться никому. После того, как дым рассеялся, трупы преступников

были извлечены из помещения на воздух. Банковская служащая, увидела их и учинила истерику, узнав в телах убитых своих коллег.

Петров орал на ОМОН, и требовал назвать ему имя того идиота, которые дал команду открыть огонь. Как всегда, идиота выявить не удалось.

– Кто еще выходил из помещения? Кто-нибудь наблюдал за входом?

Отыскали того, кто был здесь с самого начала. Молодой сержант охраны, вытаращив глаза, рапортовал, что никого не выпускал, только видел какого-то маленького старичка с мешком пустых бутылок, который шел по направлению от банка к Набережной.

Петров, без дальнейших слов вскочил в патрульную машину и помчался в указанном направлении. Искал он недолго и увидел удаляющуюся спину пожилого человека с рюкзаком, который уже пересекал границу пешеходной зоны:

– Стой, стрелять буду! – вырвалось банальное предупреждение.

Старик дернулся и побежал. Петров побежал за стариком. Преследуемый проявлял завидную прыть и мчался, подпрыгивая и расталкивая встречных. Стрелять в таких условиях было невозможно и Петров, чувствуя, что задыхается, старался хотя бы не выпустить рюкзак из вида. Это становилось все труднее, и следователь уже понял, что если преступник достигнет вон той подворотни, то ему удастся скрыться – подворотня вела в сеть пересекающихся и переплетающихся маленьких двориков, половина из которых были проходными.

Вдруг старик перегнулся пополам и упал. Вокруг него сразу же собралась небольшая кучка народа, а какая-то девушка даже пыталась послушать, бьется ли у него сердце.

Петров, на последнем дыхании подбежал к старику. Тот лежал с закатившимися глазами и хватал воздух ртом.

– Скорую! Быстро!

ГЛАВА 5

Сидеть на куче щебня, держась руками за колючую проволоку, было более чем некомфортно. После нескольких часов, проведенных здесь, ныли спина и коленки. Зато двор был как на ладони. Люди приходили и уходили, машины приезжали и уезжали. Вспотевшая одежда прилипала к телу, и тело от этого жутко чесалось. То и дело прилетал голубь, который так и норовил нагадить за шиворот. Но даже поднять руку и шугнуть его было нельзя. Нужно было терпеливо ждать.

Когда солнце далеко перевалило за полдень, стало ясно, какую именно. Нужно было, не хрустнув костями, собрать свое тело для решительного прыжка.

Голубь шумно сорвался с места и вскоре потерялся в вышине.

* * *

Оксана вскочила, бросила платье и выбежала во двор босиком.

– Мужик! Отойди от ребенка немедленно!

Странная фигура повернулась, и Оксана узнала Василия. Это был ее одноклассник, с которым она случайно встретилась недавно на отдыхе. Василий имел на нее какие-то виды, но Оксана постаралась пропасть из его поля зрения, потому что не любила путать прошлое с настоящим.

– Вася? Тебе чего здесь нужно?

– Судя по запаху майонеза, ты сегодня обедаешь дома, – широко улыбнувшись пошутил Вася, отпустил ручку Андрея и резво подбежал к Ксюше. Она, растерянно пыталась засунуть выбившиеся из-под пакета волосы, на которые была нанесена майонезная маска. Подбежав к Оксане, подхватил ее на руки и закружил, прижимая к груди.

– Отпусти, ты чего, соседи же смотрят!

– Ксюша, куда ты пропала? А я тебя по старому адресу искал.

– А я переехала. Мне Катька свою квартиру однокомнатную отдала… Как ты меня нашел?

– Я встретил Алину, и она мне рассказала, где тебя найти. Как ты?

– Слушай, Вася, я занята. И вообще, нам с тобой больше не о чем разговаривать. Я, по-моему, тебе совершенно ясно дала понять, что у нас не может быть с тобой ничего общего. Понятно?

– Как это – ничего общего? А все, что с нами было? А то лето… помнишь то безумное лето? Помнишь Ревяку, палатку, ну?

– Вася, какая палатка? Какая Ревяка? – возмущалась Оксана, затаскивая Василия в квартиру, чтобы спрятаться от насмешливых глаз соседок.

– Кончилась романтика, Вася, не до тебя мне теперь.

– Почему? – сник Василий.

– Ты мне не нужен.

– А кто же тебе нужен? Принц на ослепительно белом BMW? Слушай, я неплохо зарабатываю. Переедешь ко мне, бросишь работу, ну же! – он попытался ее обнять, но Оксана решительно убрала его руки со своих плеч.

– Мне нужен мужчина, который был бы похож на руки. Чтобы ими можно было заткнуть уши – вот так – и мир перестал бы существовать, а остался бы только шум крови. Понимаешь?

– Нет.

Он открыл дверь и быстро зашагал прочь. На середине двора он обернулся и внезапно зло сказал:

– Что имеем – не храним. Потеряешь – наплачешься, – и зашагал прочь.

Оксана взяла сына на руки и отнесла домой.

У мужчины, как оказалось, барахлило сердце. Тяжелый рюкзак, набитый деньгами, и быстрая пробежка вызвали сердечный приступ.

После того, как ему стало легче, Петров попытался поговорить с ним. Но мужчина угрюмо молчал, не желая отвечать ни на один вопрос. Личность его устанавливали. Петров терпеливо ждал, когда грабитель произнесет хотя бы слово.

Через некоторое время выяснилось, что от мысли получить из упрямо сомкнутых губ задержанного какую-либо информацию, придется отказаться. Судебные эксперты признали его полную невменяемость.

* * *

– Я не могу пойти! Не могу, понимаешь!

– Тебе нужно отдыхать. Развлекаться. Ты же света белого из-за работы не видишь.

– Ну и что? Я не могу сына одного бросить.

– Почему одного? За ним присмотрит твоя мама.

– Ты что, мою маму не знаешь?

– Знаю, Ксюша, знаю. Но ты же видишь, она ведет себя очень прилично. Не пьет. Работать устроилась.

Оксана стояла перед зеркалом в лиловом и мерцающем платье для коктейля, которое Катя передала через Никиту. Что делало Катино платье у Никиты, для Оксаны осталось загадкой. Впрочем, ее это волновало меньше всего. Он был здесь, магический и как-то по-особому близкий. Хотя и не подходил к ней ближе, чем того хотела она. А она хотела… Нет, эти мысли просто противны! Никита смотрел ей в затылок, и она это чувствовала. Она боялась, что он начнет настаивать. Но еще больше она боялась, что он этого делать не начнет.

Свежи еще были воспоминания о тупых иглах, которые вонзались в ее сердце, когда она видела Катины взгляды в его сторону. Она слышала выражение о том, что женская дружба – до первого мужика, но никогда в это не верила. А теперь… Впрочем, не ей было обижаться на подругу. Уподобляться собаке на сене – занятие неблагодарное. А она сама заявила подругам, что отношения между ней и Никитой не идут дальше дружеских. Сама, правда, в это уже не верила…

Она вспоминала, как всякий раз, когда он провожал ее до подъезда, она с замиранием сердца ждала, что он предложит подняться к ней и поэтому медлила, боясь поднять глаза, и заранее не зная, что она ему ответит. Но он решительно целовал ей руку и быстро уходил, пожелав спокойной ночи. Эта его старомодная привычка всякий раз удивляла ее до глубины души. Она никогда и никому не говорила о том, как они расстаются по вечерам, и, что он приходит в ее дом только тогда, когда она того хочет – днем и ненадолго.

В ресторан он больше не приходит. Оксана отказалась увольняться оттуда, хоть он и хотел устроить ее секретарем к какому-то удачливом у бизнесмену. Ей казалось странным, что еще недавно он был таким одиноким и неприкаянным, а сейчас у него появлялись какие-то влиятельные знакомые. Откуда? Когда он это успел? Где он пропадал на несколько дней? В это Оксана не лезла, и он, кажется, уважал ее молчаливую скромность и видимую незаинтересованность в его делах.

Ничего плохого Оксана о нем сказать не могла. Если бы даже и хотела. Но она не хотела, в том-то все и дело. И вот только сегодня он проявлял такую странную настойчивость в своем желании пойти на эту дурацкую вечеринку.

– Где ты Катю видел? – спросила Оксана, разглаживая на себе мягкую ткань.

– Мы договорились с ней встретится еще на той посиделке у Алины, помнишь? Она хотела тебе платье для фуршета передать. Свое. Но я настоял, чтобы мы вместе для тебя его выбрали. В магазине. Я, понимаешь, не разбираюсь…

– Зачем? – нахмурилась Оксана и чуть не начала стаскивать наряд, но вспомнила, что она не одна.

– Я знал, что ты будешь против. Но взял на себя подобную смелость. Тебе идет, – и опять несмело заулыбался краем рта.

– Что у тебя с Катериной? – исподлобья смотрела Оксана на Никиту, такого элегантного в своем темном костюме. Решила брать нахрапом.

Он понимающе посмотрел ей в лицо, а потом, теребя пуговицу на рукаве, медленно произнес:

– Замечательная у тебя подруга, Оксана. Замечательная, да только глупая. Она, как собачка – кто позовет, за тем и побежит. А больше всего на свете она любит лесть. Это недостойно женщины замужней, ведь она – мать и хранительница очага. Ни один мужчина не будет уважать такую женщину.

– Ну ты, блин, даешь… – растерянно проговорила Ксюха. Больше всего она боялась вот этих его серьезных реплик, в которых она чувствовала всю глубину той пропасти, которая отделяла ее от него, а его от остальных людей.

– Ты странный, – проговорила она в который раз за время их знакомства. И стала расчесывать подкрученные волосы.

Она смотрела на себя в зеркало и не могла понять – то ли платье сыграло с ней такую шутку, то ли просто внимание к себе преобразило ее до неузнаваемости. Потому что она себя не узнавала. Больше всего она напоминала себе сейчас картинку из рекламного журнала Катерины. Оксана почему-то давно смирилась с мыслью о том, что вся жизнь ее пройдет в застиранных халатах и стоптанных тапках. А сейчас, когда на ней было что-то жутко дорогое, она думала: «А почему, собственно, вся жизнь?» В душе поднимались волны смутной надежды, что вскоре начнется новое, никогда ранее не бывшее. Ей вспомнилась вся ее бестолковая жизнь впроголодь, с которой она давно смирилась. Оксана уже давно не чувствовала униженности своего положения и не требовала от жизни многого, перебиваясь теми кусками, которыми та ее и иногда баловала.

– Так мы идем? – просветлел Никита.

– Да.

Оксана прошла в детскую, где Андрюшка сидел на полу и игрался с кубиками. Она решительно взяла сына за руку и повела его к маме.

С мамой была договоренность, что сегодня она присмотрит за ребенком часика два, а потом отведет его в садик, где он останется на сутки, как обычно. У Оксаны ныло сердце от того, что она так надолго расстается с сыном. Но сразу после вечеринки у Кати нужно было отсыпаться и идти на работу. Тяжело, конечно, но что поделаешь?

* * *

Ребенок играл в песочнице и был, судя по всему, вполне доволен жизнью. Нужно было обойти двор с другой стороны, чтобы не попасть в поле зрения сидящей у окна белокурой женщине. Ноги подворачивались на камнях, сваленных у стены. За пазухой булькала жидкость в темной бутылке. Кот Матвей попытался перебежать дорогу, но получив смачного пинка, с воем бросился в подвал, взывая по дороге к справедливости. Скрипучую подъездную дверь нужно было открыть с осторожностью и прокрасться на такой знакомый этаж. Пальцы прилипали к

звонку, а шорох на верхних этажах вызывал приливы беспокойного нетерпения. «Ну, открывай же», – свербило в голове, пробиваясь сквозь непривычные шумы стучавшей в ушах крови.

* * *

Программа, которую запланировал на этот день Никита, была более чем культурная. Он говорил с ней об этом уже так давно – чуть ли не неделю после его знакомства с подругами. Он говорил, что не дело это – ей, такой замечательной и заслуживающей счастья, провести свою жизнь в столь тесном и пошлом мирке. Ведь она живет в таком потрясающем городе!

– Здесь столько возможностей для того, чтобы приобщиться к вечным ценностям! А ты, ты их используешь?

Оксана не понимала, о чем он говорит. Пожимала плечами и отворачивалась. Но он упрямо продолжал:

– Послушай, я хочу подарить тебе хотя бы один день совсем другой жизни! Ты поймешь, как ты ошибалась в своем понимании мира и того, что происходит в нем, когда ты о нем не думаешь!

– Никита, я же говорила тебе, что ничего не понимаю из того, что ты говоришь, – умоляюще глядела в глаза своему мучителю Оксана.

– Хорошо, я ничего не стану больше говорить. Только ты обещай мне повиноваться, когда я тебе скажу, хорошо?

– Ладно, – сказала завороженная Оксана.

– Итак, – удовлетворенно прогремел Никита, – «Я поведу тебя в музей», – и баста!

Оксана разочаровано посмотрела в окно. «Вот, блин, еще один умник на мою бедную голову!» – подумалось ей. Она не любила, когда ее начинали воспитывать.

И вот знаменательный день настал. Никита водил ее по всем тем загадочным для простого смертного местам, именуемым «учреждениями культуры». Они что-то смотрели, что-то слушали, чем-то восхищались вместе с млеющей толпой интеллектуалов.

Никита время от времени поворачивал к ней свою породистую голову с сияющими глазами, ища в ее лице ответной искры.

Но Оксана оставалась в полной прострации. Ей было неловко от своего роскошного платья. Ей не нравились растрескавшиеся картины и скучная музыка. Она не понимала ни звука из того, что ей говорили все эти кашемировые дамы с длинными мундштуками в зубах.

Наконец, в каком-то очередном выставочном зале, Никита понял, что скрывается за бледностью ее растерянного лица. Он немедленно распрощался со своими собеседниками и потащил Ксюху к выходу. Остановившись на улице. Он повернулся к ней и предложил:

– Оксана, давай я тебя покормлю.

Оксана пинала носком туфли круглый камешек и старалась не смотреть ему в лицо.

– Давай, – вздохнула она и наклонила голову еще ниже.

Потом они пошли в какое-то очень зеркальное заведение, где Оксана с ужасом обнаружила, что она не понимает, из чего приготовлено то, что ей принесли, и уж тем более – как это едят.

Никита то и дело ей подмигивал и приглушенным голосом острил по поводу растерявшихся официанток.

Оксана затосковала еще больше. Никита прервал себя на половине фразы и задумался. Вдруг он понял, почему Оксана так грустно смотрит вслед официанткам. Это развлечение поеданием деликатесов в ресторане для нее было только напоминанием о том, что ее судьба – приносить и уносить многочисленные блюда. Никиту смутила эта мысль. Он быстро расплатился и поднялся:

– Я думаю, нам пора.

Оксана растерянно встала.

Когда они в который раз за сегодня вышли на улицу, Никита спросил:

– А о чем ты мечтаешь? В смысле, не вообще, а на данный момент. Как ты себе представляешь праздник? Давай ты меня поведешь туда, где тебе больше всего хотелось бы побывать.

Оксана вдруг просветлела, взяла его за руку и потащила по направлению к цирку.

Отсидев представление, купив себе по красному носу и дурацкой свистульке, они пошли гулять, есть сладкую вату, широко открывая рот и зажмуриваясь, посидели на лавочке в парке, покатались на громыхающих «американских горках».

Оксана много смеялась и шалила, пиная опавшие листья и кидаясь в Никиту орешками. Никита блаженно улыбался и охотно выполнял ее прихоти.

Наконец, когда от долгой ходьбы у них стали ныть ноги, а от хот-догов уже легко тошнило, Никита посмотрел на часы и сказал:

– Нам, кажется, пора на званий ужин.

Оксана отряхнула с колен крошки, одернула платье и просунула свою руку Никите в карман:

– Пойдем!

Руки не слушались, ступни наливались жаром. От непривычных движений уже начинала ныть спина. Было очень страшно – вдоль дороги то и дело возникали люди в серой форме.

Он никогда не водил машину, но гудящая голова посылала нужные импульсы его рукам и ногам. Глаза слезились от постоянных попыток увидеть дальше, чем было в их силах.

Наконец, из-за поворота показался глянцевый бок «бьюика». Тело рванулось и рвануло автомобиль.

Капот черной машины и искаженное ужасом лицо водителя приближались со страшной скоростью. Голова раскалывалась на части, мозг ныл в страшных муках, пытаясь справиться с давлением инстинкта самосохранения.

В последний момент сознание стало ясным и в тело вонзились холодные иглы страха. Осознание происходящего пришло одновременно с осознанием невозможности что-то исправить.

Поздно.

Руль врубился в тело, передавив его пополам и избавив человека от ощущения горячей волны, обжегшей лицо.

* * *

То, что произошло нечто неприятное, было заметно уже в подъезде, где стояла кучка одетых в костюмы мужчин, каждый из которых что-то орал в трубку мобильника нечто резкое, стараясь заглушить всех остальных.

Оксана переглянулась со своим спутником и поспешила по лестнице в квартиру Майоровых, заранее предполагая самое худшее. На пороге пятикомнатной квартиры сидела Катька в своем новом платье «вторая кожа» с разрезами до талии, из-под которого всем желающим (и нежелающим тоже) были видны ее кружевные трусики.

– А девочка созрела… – протянул сосед с верхнего этажа, проходя мимо Кати и не оставляя без внимания соблазнительное зрелище.

«Девочка» ныла, размазывая по щекам багровую губную помаду, при этом совершенно не обращая внимания на окружающих ее гостей. Ее подбородок дрожал и морщился, а крупные, как в кукольных мультфильмах, слезы разбивались о декольтированную грудь:

– Разбился-а-а-а! – временами можно было разобрать из-за ее громких всхлипов.

Разодетые в пух и прах дамы холодно наблюдали этот концерт и, нетерпеливо топая туфельками, поджидали блуждающий где-то лифт. Катина мамаша пыталась поднять дочку с пола, шипя на нее, как мегера:

– Катерина, встань немедленно, на тебя люди смотрят!

– Отстань! – крикнула Катя и закрыла лицо руками в перчатках.

Оксана кинулась к подружке:

– Катюха, ты чего?

Никита подошел к некрасиво ревущей Катьке, взял ее за руку, поднял с пола и повел на кухню, бросив через плечо:

– Господа, просьба расходиться, мы вам потом перезвоним, – и захлопнул дверь пинком ноги.

На кухне Оксана стала отпаивать подругу водой, а Никита присел на корточки перед стулом Катерины и, заглянув ей в лицо, спокойно спросил:

– Ну, что случилось?

– Разбился, – опять начала всхлипывать успокоившаяся было Катя.

– Кто разбился? – начиная подозревать самое плохое прошептала Оксана. Ее глаза стремительно темнели.

– Родик разбился, – слезы снова покатились по ее щекам, – поехал на сделку, а в них тачка врезалась… все насмерть… – рыдала она.

– Откуда ты узнала? – продолжал расспросы Никита.

– Мне позвонили… из фирмы… и сказаалииии…

Оксана поняла теперь, что такое «как в страшном сне»: она смотрела на новоявленную вдову будто сквозь целлулоидную пленку и понимала, что это происходит не с ними. Просто сон. Она не представляла, что в таких случаях делают. Что говорят. Она стояла и даже подойти к подруге не могла.

В этот момент о внутреннюю дверь загремели ключи. Катя внезапно затихла и напряглась. Глаза ее стали совершенно круглыми и безумными:

– Кто это? Кто?..

Она вскочила со стула и сделала шаг к прихожей. Хлопнула входная дверь и на пороге появился Родион Леонидович собственной персоной. Катерина не придумала ничего лучшего, чем как в дурной мелодраме хлопнуться в обморок. Остальные тоже почувствовали себя явно некомфортно. Родион подошел к жене, поднял ее на руки и отнес в спальню, на ходу приговаривая:

– Распереживалась, маленькая. Ну ничего… ничего…

Вернувшись на кухню, Катин муж, не снимая пальто, налил себе водки и выпил одним глотком. Потом сел на стул и поднял глаза на присутствующих:

– Извините за беспокойство, – он протянул руку Ксюшиному спутнику, – Родион.

– Никита, – ответил тот на рукопожатие, – что, собственно говоря, все же произошло? Кате позвонили и сказали, что вы разбились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.